

Тропа Левитана

Евграф Кончин

какой же это избе случилось?! Бродил я по Саввинской слободе — теперь уж совсем не слободе, а поселку, в котором и строений-то старых почти не осталось — и прикидывал, где ж это произошло? Расспрашивал стариков и старушек, не помнят ли они от родителей своих, от старожилов, где здесь, в доме Федосьи Герасимовны Горбачевой, женщины умной и сердобольной, еще в прошлом веке останавливались московские художники, где знаменитый Левитан жил? Люди попадались доброжелательные, словоохотливые:

— Да вот в этом доме. Точно — в этом! Не сомневайтесь, у нас они и поселились...

С почтением я фотографировал старую избу. Но затем мне указывают на другой дом, на третий... Так я отснял почти полную ленту «левитановских» домов, где сто лет назад жил и работал прославленный пейзажист. Не один он был тогда, ранней весной 1884 года, а приехал в Саввинскую слободу со своими приятелями — Константином Алексеевичем Коровиным и Василием Васильевичем Переплетчиковым, который по несвойственной для художников привычке вел, оказывается, дневник. В одной из своих записей и упомянул о той встрече... Какой, с кем? Именно в дом Горбачевой, которая приютила молодых художников, зашел как-то вечером старый, как всегда, пьяный и угрюмый Лев Львович Каменев. Кто ж из студентов Московского училища живописи, ваяния и зодчества не знал его, некогда прекрасного художника, академика — вспомним хотя бы его популярную до сего времени «Зимнюю дорогу!» Но потом он запил, опустился, обнищал, работать перестал и уже безвыездно обитал в Саввинской слободе, существовал подавнием и подачками от приезжих художников.

Опушка леса возле Луховиц.
Фото В. Титова.

Зашел Лев Львович, потребовал на штоф водки. И вдруг увидел только что принесенные этюды, в его глазах что-то блеснуло. Стал их осматривать, удовлетворенно хмыкать себе под нос. Сразу протрезвел. Уже в дверях обернулся и бросил Левитану: — А тебе профессором быть!..

Исаак Ильич только грустно улыбнулся. О чем он говорит! Каким профессором! Ведь его исключили из Училища «за непосещение классов», поэтому он даже не может стать настоящим «классным» художником — только учителем рисования. Незавидная участь ожидала Левитана.

А Каменев оказался провидцем, почувствовал он в молодом неудачнике славную будущность. Прав оказался старый художник — Левитан стал не только преподавателем в своем же Московском училище живописи, ваяния и зодчества, из которого его исключили в том 1884 году, но академиком Российской Академии художеств. Тогда же, в Саввинской слободе, он и мечтать не смел об этом. Не предполагал, что именно здесь сделает первый и, быть может, самый большой шаг к будущему своему профессорству, к известности и бессмертию. Саввинская слобода стала знаменитой вехой в его жизни и творчестве, без которой мы сейчас не можем представить Левитана. Как, впрочем, и Саввинскую слободу без его искусства.

Много именитых, замечательных художников работало в Саввинской слободе. Вспомним хотя бы Каменева или Коровина. Но, пожалуй, никто из них не отобразил ее столь ярко, самозабвенно, со столь искренней любовью, как Левитан. Уже первый «саввинский» этюд «Последний снег», который ныне находится в Государственной Третьяковской галерее, очаровывает свежестью и трепетностью чувств, глубоким лиризмом и, наконец, высоким мастерством. И сюжет-то простенький, такой обыденный, незамысловатый: островки уже потемневшего снега, изба, сарай, за ними — полоска редкого леса. Смот-

Дютьково. Звенигородский р-н.
Фото В. Стукалова

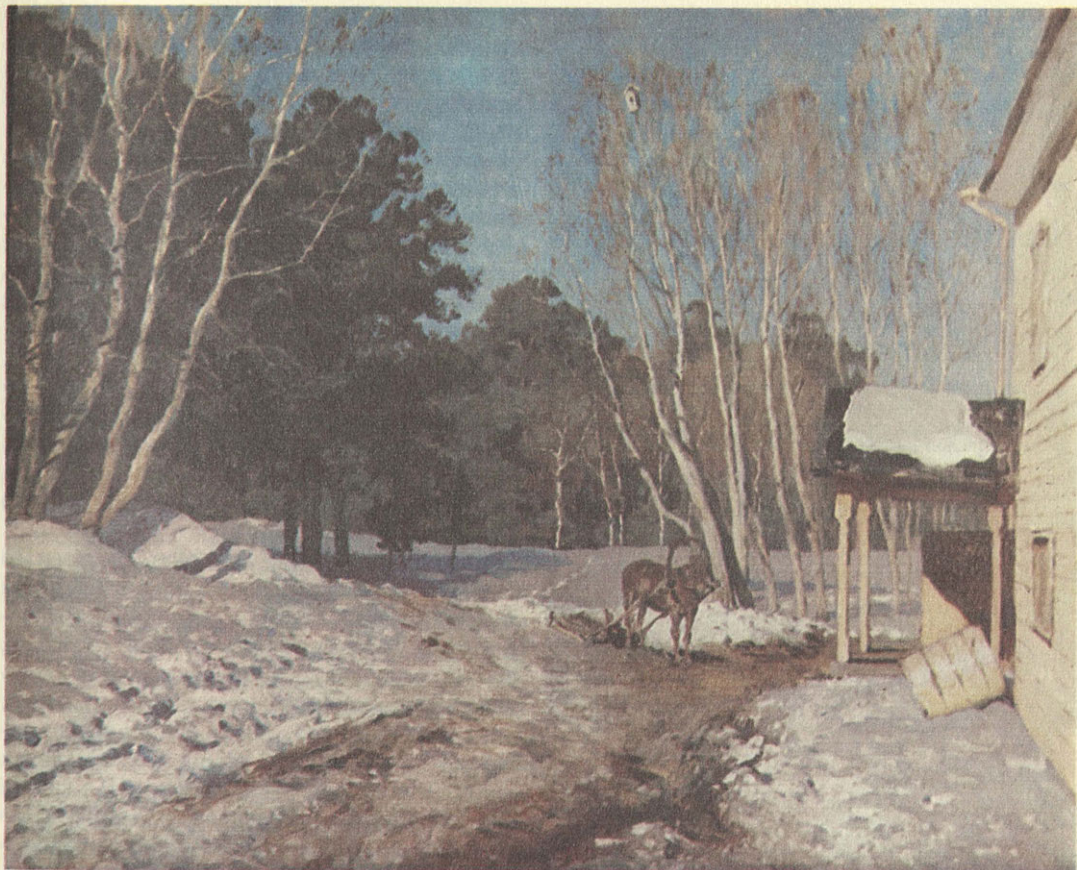
реть-то, казалось, не на что — а глаз не оторвешь! Художник подсмотрел нечто ранее неведомое, прекрасное и спешит показать все это людям. И мы стоим перед этим холстом в удивлении и восторге, словно впервые увидели этот кусочек природы Подмосковья.

От этой саввинской «Ранней весны», от такого небольшого, почти сиюминутного этюда, и зазвучал один из основных мотивов в творчестве Левитана, который дал отечественному искусству столько великолепных произведений художника. На ум сразу же приходит хрестоматийный «Март».

Исаак Ильич многообразно отобразил Саввинскую слободу. И просто, как «Слободу», и ее «Летний вид», и то, что она находится «Под Звенигородом», и, конечно, «Окрестности Звенигорода», и «Мостик», и «Серый день», и «Лесную тропинку», и «Осиновую рощицу», и «Вечер», и «Въезд в деревню». Наконец, «Дуб и березка», этот этюд Левитан подарил А. П. Чехову, который в 1884 году после окончания медицинского факультета Московского университета впервые стал работать врачом именно в Звенигороде.

Главной же саввинской картиной является, бесспорно, «Мостик. Саввинская слобода». Сюжет ее тоже незатейлив. Свежая майская зелень, солнечные блики на стене и крыше избы, на лежащих бревнах, фиолетовые тени на старом дощатом мостике — звенящая тишина летнего полдня. Вот и весь сказ. Полотно удивительно светлое, до отказа наполненное солнцем, чистым теплым воздухом, который, кажется, ощущается физически — на ощупь, на вкус, на запах. Оно буквально брызжет молодостью, радостью бытия, очарованностью жизнью.

Солнце запечатлено и в литографии «Въездные ворота Саввинского монастыря». Московский журнал «Россия», публикуя литографии Левитана и Переплетчикова, сопроводил их такой надписью: «В текущем году два молодых талантливых художника посетили Саввинский монастырь. «Святые ворота» И. Левитана и «Вход в пещеры» В. Переплетчикова характерно передают местность нашей подмосковной Швейцарии». Этот лист, да и другие левитановские этюды, изображающие Саввино-Сторожевскую обитель, были использованы Исааком Ильичем в работе над

И. Левитан. Март

декорациями сцены в Ипатьевском монастыре в опере М. И. Глинки «Жизнь за царя», поставленной труппой Московского частного театра С. И. Мамонтова, с которыми Левитан в то время сближается.

В сентябре 1886 года художник вновь едет в Саввинскую слободу. Едет с Алексеем Степановым и своей ученицей Софьей Петровной Кувшинниковой. С ней, женой полицейского врача, он познакомился незадолго перед поездкой. Она пожелала брать у него уроки живописи. Левитан с удовольствием согласился, и первая их совместная работа над этюдами состоялась в Саввинке. Здесь они подружились, и Софья Петровна становится многолетней привязанностью художника. Саввинская слобода не только способствовала первому, столь яркому взлету в творчестве Левитана, но именно здесь у него родилось первое и самое сильное в его жизни чувство — любовь к женщине. Этим чувством овеяны некоторые саввинские его произведения.

Левитан, в ту поездку пробыл в слободе недолго, недели две, не больше. В середине сентября он уже в Москве. Тем не менее, это короткое прикосновение к звенигородской земле знаменуется появлением картин «Осеннее утро. Туман» и «Звенигород», весьма заметных в творчестве художника. Завершает он свою «саввинскую» эпоху осенью 1887 года. Опять-таки вместе со Степановым и с теперь уже неизменной своей спутницей Кувшинниковой. Именно тогда Алексей Степанович изображает Левитана и Софью Петровну в двух своих картинах. В первой — они идут на этюды, во второй — у мольбертов... К сожалению, эти холсты ныне пребывают в частном собрании в Париже, и нам известны лишь по фотографиям.

А еще остались о том воспоминания Софьи Петровны Кувшинниковой. Не могу не привести отрывок из них. Не только потому, что он показывает их жизнь в Саввинской слободе, но этот эпизод имел свое знаменательное продолжение. «...Во время

И. Левитан. Первая зелень. Май

И. Левитан. Мостик

М. В. Якунчикова. Монастырские ворота.
Саввино-Сторожевский монастырь близ Звенигорода

жизни в слободке под Саввиным монастырем,—пишет она,—Левитан сильно страдал от невозможности выразить на полотне все, что бродило неясно в его душе. Однажды он был настроен особенно тяжело, бросил совсем работать, говорил, что все для него кончено и что ему не для чего больше жить, если он до сих пор обманывался в себе и напрасно воображал себя художником... Будущее представлялось безотрадно мрачным, и все мои попытки рассеять эти тяжелые думы были напрасны. Наконец я убедила Левитана уйти из дому, и мы пошли по берегу пруда, вдоль монастырской горы. Вечерело. Солнце близились к закату и обливало монастырь горячим светом последних лучей, но и эта красивая картина не разбудила ничего в душе Левитана.

Но вот солнце стало заходить совсем. По склону горы побежали тени и покрыли монастырскую стену, а колокольни загорелись в красках заката с такой красотой, что невольный восторг захватил и Левитана. Зачарованный, стоял он и смотрел, как медленно все сильнее и сильнее розовели в этих лучах главы монастырских церквей, и я с радостью подметила в глазах Левитана знакомый огонек увлечения. Скоро погасли яркие краски на белых колоколках, и, освещенные зарей, они лишь слегка розовели в темнеющем небе, а кресты огненными запятыми загорелись над ними. Картина была уже иная, но чуть ли не еще более очаровательная.

Невольно заговорил Левитан об этой красоте, о том, что ей можно молиться, как богу, и просить у нее вдохновения, веры в себя, и долго волновала нас эта тема. В Левитане словно произошел какой-то перелом, и когда мы вернулись к себе, он был уже другим человеком. Еще раз обернулся он к бледнеющему в сумерках монастырю и задумчиво сказал:

— Да, я верю, что это даст мне когда-нибудь большую картину».

И такую картину, а точнее—две картины Исаак Ильич написал несколькими годами позже, но уже не в Саввинской слободке, а в Юрьевце, на Волге. Это—«Тихая обитель» и «Вечерний звон». Он экспонируются в Государственной Третьяковской галерее и широко известны.

Всего же в Саввинской слободке или по саввинским мотивам Левитан создал более двадцати картин, этюдов и литографий. Они находятся в Государственной Третьяковской галерее, в Государственном музее

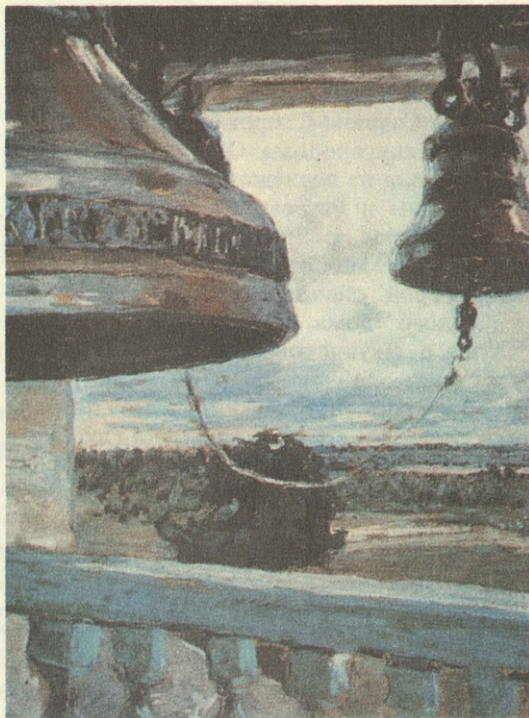
изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, в музеях Еревана, Бешкека, Хабаровска, Иванова, Воронежа, в Музее-усадьбе В. Д. Поленова в Тульской области, в ялтинском музее А. П. Чехова, в Национальной галерее Праги в Чехии, в частных собраниях.

Левитановские работы составляют, пожалуй, главную часть небольшого собрания дореволюционной живописи Звенигородского историко-художественного музея. Из других работ назову, прежде всего, картину Марии Васильевны Якунчиковой «В горах», недавно приобретенную в Москве, в художественном салоне. Это поступление весьма знаменательно, поскольку художницу, которую еще при жизни ставили рядом с такими гигантами отечественной живописи, как Левитан, Врубель, К. Коровин, называли преданным, задушевным «певцом Звенигородского уезда». Но в Звенигородском-то музее долгое время не было ни одного ее произведения. Наконец-то художница представлена в «своем» музее. Правда, эта ее работа никакого отношения к Звенигороду и его окрестностям, которые и определили творческий путь Якунчиковой, составили ей славу, не имеет. Вероятнее всего, картина написана во время ее поездки в Пятигорск или же в Швейцарию. Кстати, сюжет довольно-таки редкий в ее искусстве.

Лучшие же годы ее короткой жизни, самые вдохновенные творческие порывы, связаны, повторяю, со Звенигородским уездом. Свое детство она провела здесь, в имении своих родителей Введенское. Да, да! — в том самом, где родился и сам Звенигородский музей. Мария Васильевна очень любила и старый усадебный дом, и его несравненные и чудесные окрестности. Когда имение продали 1884 году, это было для нее, четырнадцатилетней девочки, первым и большим горем.

Мария Васильевна и позже часто приезжала в Введенское, подолгу в нем работала. «Введенское» и «саввинские» холсты — наиглавнейшее в ее наследии. Приходится только сожалеть о том, что основная его часть остается до сего времени во Франции, где Мария Васильевна жила последние годы своей жизни. Она умерла от туберкулеза в 1902 году в возрасте тридцати двух лет.

Разумеется, и в нашей стране хранятся значительные «звенигородские» произведения Якунчиковой. В Государственной Третьяковской галерее вы можете увидеть

М. В. Якунчикова. С колокольни Саввино-Сторожевского монастыря

И. Н. Павлов. Звенигород. Саввинская слобода

прекрасные ее полотна «С колокольни Саввино-Сторожевского монастыря под Звенигородом», написанное в 1891 году. «Из окна старого дома. Введенское» и «Ворота Саввино-Сторожевского монастыря под Звенигородом». Обе созданы в 1897 году, в один из последних приездов Марии Васильевны в Россию, чтобы напиться, по ее словам, родным «русским духом». К этому времени относится и фотография, на которой она запечатлена у колонны усадебного дома в Введенском. Автор статьи о Якунчиковой, в журнале «Мир искусства» опубликовавший и эту фотографию, восторженно писал: «...вот на террасе, у самого края колонны над глубоким душистым сочным вишневым садом точно ландышами, точно мечтами Чайковского сотканная склонилась тихо русская барышня Машенька Якунчикова. И может быть, более русского, более нежно-русского, окончательно-русского никогда и не было ничего».

В Русском музее находится ее «Саввин монастырь». Несколько «звенигородских» работ хранятся в Музее-усадьбе В. Д. Поленова, что, кстати сказать, неудивительно. С Поленовыми она связана родственными связями. Старшая сестра Марии Васильевны — Наталья — была женой художника Василия Дмитриевича Поленова. Их мать — Зинаида Николаевна, урожденная Мамонтова. А брат Марии и Натальи — Владимир Васильевич был женат на племяннице С. И. Мамонтова — Марии Федоровне. Родственниками Якунчиковых являлись и Третьяковы. Вот в какой благотворной среде жила и воспитывалась Мария Васильевна.

Известный искусствовед П. П. Муратов писал в «Московском еженедельнике» в 1906 году: «Может быть, недалеко то время, когда эти годы, годы Серова, Коровина, Врубеля, Якунчиковой, Мусатова, будут называться лучезарной эпохой русской жи-

вописи». Тогда же С. Глаголь призывал устроить в России мемориальный музей Якунчиковой. Вероятно, организация теперь такого музея затруднена из-за отсутствия экспонатов. Но установка мемориальной доски в санатории Введенское, на стене бывшего усадебного дома была бы скромной данью талантливой русской художнице.

Возвратимся к Звенигородскому музею. Он владеет и работами друзей Левитана, с которыми он приезжал в Саввинскую слободу. Это — «Дорога» А. С. Степанова и «Лодка у берега» В. В. Переплетчикова. Где они исполнены? Скорее всего в Подмосковье, которое художники очень любили. Только в Звенигороде, в музее, можно познакомиться с огромным наследием — более 500 работ — народного художника РСФСР, члена-корреспондента Академии художеств СССР Бориса Николаевича Яковлева и его жены, заслуженного деятеля искусств РСФСР Серафимы Васильевны Рянгиной. Они имели дачу недалеко от Звенигорода, подолгу здесь жили, работали. Во многих картинах отобразили город, его окрестности. Наследники художников передали музею не только большое число работ, но предметы домашнего обихода, мебель, книги, документы, фотографии. Это позволило устроить в одном из музейных залов мемориальный раздел Б. Н. Яковлева, как бы имитирующий его рабочий кабинет.

Думаю, даже странно задаваться вопросом, почему именно Звенигород так притягивал к себе художников. Достаточно один раз побывать в этом древнем подмосковском городе, чтобы влюбиться в него навсегда. Не только в Подмосковье, во всей России немного найдется мест, которые бы сравнились с живописными окрестностями Саввино-Сторожевского монастыря.

Левитан первый научил нас видеть и понимать эту красоту.